

Сказание о Прокудливом дереве

нёбыль третья

→ Прокудливое дерево на голубом глазу возводило свою родословную к тому самому Апельсиновому дереву Лиха и Блага, которое, по слухам, обитало на Острове Янтр.

Верила тому, впрочем, одна лишь Кабаниха Ху, которой всё, относимое к Апельсинам, святым представлялось. Так ведь Кабаниха при том Прокуду и не видела, и не могла никогда! Как в упор не замечали его прочие зверяне, кроме Рысь-Рўси, Попугая кархадского да Сказского Тура, без того всяко повидавшего.

... И когда дурово предстало рысьему взору на гребне Тулымском, – никто не поверил. Многие ж и захаживали тайно: подглядеть да поразнюхать, но все в один рык твердили, клыками клялись: нет ничего на гольцовой вершине Тулымского Камня – нет ничего! кроме ягелей, мхов, да спящих курумов, да скальных останцев: болванов да тумпов...

... Тигр приходил, как бы за тем же, а больше на Рысь повздыхать под важным предлогом; местная живность по норам забилась, кто и отроду жил не совсем чтобы норно; даже злая нежить лесная укромилась, робея тигриного люта... Но и взор поэтический Тигра, хоть и зело приветливый тайному, от быта сокрытому, – даже взор поэтический Тигра той сосны не узрил!.. Да свидетельствовать Тигр в том не стал, рыкнув на камеры: «Рыси виднее...»

... Белведь инспекцию присылал, комиссию дюжемочную: из трёх Вранов учёных да двух Важных Песцов в шубах навикат. Поели те всласть, наотмашь попили, почудили чуток да брифинг затеяли:

«... Всякое, – говорят, – едали-видали на обильном на виды да невидаль Ур-Але:

— Семь Столбов, семь останцев-болванов, Семь Братьев, застывших в серицито-кварцитовых сланцах навечно на Плато Маньпупунёр, также славного белыми мхами, – то видели собственноглазно, воли век не видать, коли брешем!

— Писаницы на скалах – петроглифы, тайные смыслом да вязью затейные, молвою людям приписываемые – людям, которых и нет, и быть не могло, но о которых все знают, – то видели, нюхали: рядом на скалах за то расписались!

— Метеорит нерукотворный Челобинский – был, грозным взрывом своим зело схожий с кинетической дурью стратегической гиперзвуковой, но то всё наветы: дуры не было – а был каменюка небесный: сами осколки в лапах держали, нюхали, грызли, с пристрастьем пытали – съесть то не съешь, на сувениры – покатит; мудрецам же местным, что осколки добыли, да казус случившийся по уму разъяснили, – гранты раздали, всё целиком, честно-песцовое: да и что там отжать – не смешите!

— Даже Три-Разом-Светила видали... сосну же искомую, именуемую оной истицей, Рысь-Рўсью, Прокуда – не видим! Нет тут сосны – совсем никакой! И прокудливой – тако ж! А вот ниже по склонам богатства лесного в поживу – изрядно, и стоит всерьёз озаботиться их отсвоением: пользы державной, разумеется, токмо, чем и готовы лично заняться...»

Пришлось же Рысь-Рўси тех Песцов придавити, а иначе – как же?

Ну а Враны, такое предвидя, слетели в свои восвосяи задолго до оногo: живы покуда, пишут явки с повинной,

**но средства казённые каркнули в небыть, как было и присно, будет во веки и ныне:
без умыслу, как-то нечаянно, и навсегда...**

... Комиссии-то комиссиями, скептицизм – скептицизмом, здравый смысл – кто же против?!

Но стоит Рыси лишь рыскнуть на гребень скального крупа тулымского да улечься на излюбленном камне-останце под вечер – и вот она, будьте любезны: сосна гунявая, извобистая, вередная.

И в корявых ветвях её – уж мерзкий попугай изголове: сидит-поджидает с речами липкими, бестолковыми, кулемёсными, да ещё и с вопросами пакостными...

И верно: нехорошая, злая сосна – прокудливая. Магия чёрная...

И комель ствола, и его голомя, да и ветви, и сучья: все цветом – совсем неживым, невесёлым...

Чего ж та сосна прилепилась к Рысь-Рўси?